

И.М. ДЯКОНОВ ПРОТИВ В.В. СТРУВЕ: ПОЛЕМИКА НА ПОЛЯХ ШУМЕРА

С. Б. Крих

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Омск, Россия
krikh@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется полемика между И.М. Дьяконовым и В.В. Струве как важная часть спора о шумерской социально-экономической истории. Автор рассматривает основные теоретические понятия и их соотношение (научный спор, дискуссия, полемика), в особенности останавливаясь на определении полемического приема как дополнительного способа сделать научные аргументы более убедительными. Автор делает попытку выявить полемические приемы, использованные Дьяконовым и Струве в научном споре друг против друга, их скрытый смысл, а также лежащие в их основании стратегии и их общее значение для развития советской историографии древности.

Ключевые слова: И.М. Дьяконов, В.В. Струве, советская историография, научная полемика, шумерская экономика

I.M. DIAKONOFF VS V.V. STRUVE: POLEMICS IN THE FIELDS OF SUMER

Sergey B. Krikh

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia
krikh@rambler.ru

Abstract. The article analyses the process and methods of polemics between Igor M. Diakonoff and Vasilii V. Struve as an important part of the debate about the Sumerian social and economic history. The author examines the basic terms and their correlation (*scientific dispute, discussion, polemics*), focusing on the definition of polemical technique as an additional way to make scientific arguments more convincing. The author tries to identify the polemical devices used by I.M. Diakonoff and V.V. Struve in a scientific dispute against each other, their connotations, as well as the overall underlying strategy and their importance for the development of Soviet historiography of antiquity.

Keywords: I.M. Diakonoff, V.V. Struve, Soviet historiography, polemics in science, Sumerian economy

Данные об авторе. Крих Сергей Борисович – доктор исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Статья является переработанным вариантом доклада на конференции «Советская древность: историография и рецепция античного наследия в СССР» (РГГУ, 15–16 декабря 2016 г.)

Актуальность и методология

Противостояние двух наиболее значимых исследователей Древнего Ближнего Востока в отечественной науке XX в. — давняя тема, о которой писали уже неоднократно, в том числе и автор этих строк. Тем не менее по ряду причин анализ хода и приемов полемики между И. М. Дьяконовым и В. В. Струве представляет собой особенный интерес. Первая из этих причин — теоретическая.

Как самих историков, так и их читателей нередко интересует вопрос: какова мера принципиальности в научном споре? Где та грань, которая отделяет столкновение идей от борьбы людей? По опыту мы знаем, что личные симпатии и антипатии — важная часть повседневной деятельности ученых, однако их реальное влияние на ход научных исследований оценить гораздо сложнее, если речь идет не о размытых формулировках, а о верифицируемом знании. Трудность здесь в том, что не бывает идентичных научных споров и одинаково ведущих себя в них ученых. Но это не значит, что знания вообще нельзя достичь: рассмотрение конкретных примеров и их сравнение будет вполне легитимным путем увеличения нашего научного багажа. Разбираемый здесь пример кажется нам весьма показательным в том смысле, что на нем очень хорошо видно, какие эвристические проблемы ждут нас на этом пути. Так, считается общеизвестным, что Дьяконов и Струве, говоря мягко, друг друга недолюбливали. Но за пределами этого общего положения мы пока что плохо знаем, какова была генетика этого противостояния и каковы были его последствия для науки — опять же, не в антропологическом плане (размежевание учеников Струве и учеников Дьяконова), а в плане концептуальном.

Связь между личными антипатиями и концепциями сравнительно легко реконструируется историографом в том случае, если он завышает статус таких источников, как мемуары и дневниковые записи: их данные могут приниматься за абсолютно адекватное отображение позиций их автора, в то время как в действительности ни один источник, в том числе мемуарного типа, не может полноценно зафиксировать личность своего создателя — тому препятствием не только ограниченность языка как средства выражения¹, но и вполне очевидные обстоятельства создания такого рода источников. Мемуары Дьяконова, в которых рассказано и об отношениях со Струве, созданы спустя десятилетия после описанных в них событий; мемуары отражают точку зрения на то, что уже давно свершилось². Дневниковые записи (в нашем случае об их существовании неизвестно), напротив, могут нести на себе отпечаток первых впечатлений, которые в дальнейшем корректируются; содержание и степень откровенности частных писем зависит от адресата. Во всех случаях так называемые источники личного происхождения могут послужить только одной из составных частей для реконструкции личных реакций.

Важность же самих научных работ для анализа в том числе личных взаимоотношений, для собственно антропологического измерения науки практически игнорируется. В то же время при использовании механизмов анализа, которые могут

¹ Об этом см. Koposov 2001, 35.

² Так, вынесенные в эпиграф данной статьи слова Дьяконова о том, что он никогда не спорил со Струве (Diakonoff 1995, 735), — это, как будет показано далее, в лучшем случае неточное заявление.

помочь в выполнении этой задачи, ценность источников такого рода оказывается незаменимой: они отражают ситуацию гораздо ближе к «реальному времени» и оказывают непосредственное действие на заинтересованных ученых (статьи читают самостоятельно, а слухи доходят до всех с разной степенью искажения).

Ниже будет сделана попытка показать, как анализ полемики Дьяконова и Струве может дать дополнительный, а в некоторых отношениях и ключевой материал для понимания ряда процессов в советской историографии древности. Но для проведения такой работы необходимо определиться в базовых терминах.

В литературе не существует общепринятого различения между такими понятиями, как дискуссия и полемика, нередко они используются как взаимозаменяемые или отличаются лишь стилистически. Некоторые попытки прояснить положение вещей грешат оценочным подходом, желанием отделить «правильный» спор от «неправильного»³. В связи с этим мы предлагаем собственную трактовку, вызванную не столько претензией на безупречность, сколько невозможностью в противном случае корректно обобщить материал⁴.

Мы предлагаем считать как дискуссию, так и полемику разновидностями *научного спора*, понимаемого как любое столкновение мнений, заключающееся в первоначальной фиксации различия в них и влекущее за собой разной степени интенсивности и направленности состязание противостоящих позиций. *Научная дискуссия* предполагает открытое формулирование и аргументированное обсуждение расхождения во мнениях, направленное на поиск совместно разделяемой истины. *Научная полемика* – тот подвид спора, который отличает преимущественная ориентация его участников на победу отстаиваемой ими точки зрения, в том числе с использованием особенных *полемических приемов*; однако, поскольку сами эти приемы более или менее легитимны в данном научном сообществе, полемика не равна ни односторонней критике, ни порицанию, т.е. не касается исключительно личности оппонента, а скорее сосредоточена на его качествах как ученого.

Несложно заметить, что при таком определении очевидно, насколько тесно дискуссия и полемика связаны в реальном процессе научного спора: одна характеризует его «идейную» сторону, другая – «человеческую». Понять одну из этих составляющих вне анализа другой практически невозможно: если открытые упреки доступны любому читателю научной работы (и именно поэтому, а не по каким-то стилистическим показателям, неаргументированные порицания – вненаучны), то суть полемических выпадов может вполне уловить и оценить лишь тот читатель, который разбирается в содержании спора, иначе же некоторые едкие замечания он и вовсе может принять за комплимент в адрес противника. Следовательно, чтобы «дешифровать» полемику, нужно сначала охарактеризовать дискуссию.

Если смотреть на полемику под другим углом, то ее можно охарактеризовать также как совокупность полемических приемов, используемых в рамках спора на основании более или менее продуманной полемической стратегии. Без полемических приемов не может быть полемики, но, как было сказано выше, сами полемические замечания тесно вплетены в сеть спора, и опознать их вне его контекста достаточно сложно. Каким образом это все же возможно сделать?

Прежде всего следует указать на особую направленность полемических выпадов: если аргументация в чистом виде относится исключительно к сути вопроса и касается либо фактов, либо обсуждения этих фактов, то приемы призваны со-

³ Solovieva 2008, 135.

⁴ Более подробно см. Krikh 2014, 204–206.

здать у колеблющегося читателя некое впечатление, предложить тот угол обзора, при котором комплекс аргументов выглядел бы наиболее убедительно. Для приема важны не факты, которые использует автор, а впечатление, которое их трактовка создаст у читателя, причем оно должно быть либо позитивным о написавшем, либо негативным о его оппоненте. В классическом варианте дискуссии полемические приемы играют роль штукатурки, которая скрывает швы подгонки фактов и сглаживает неровности кладки аргументов. Степень осознанности их применения чаще всего можно ненадежно определить лишь по косвенным признакам, если только сам автор не оставил об этом свидетельств, но важно отметить, что перед нами тот случай, когда неосознанное применение отнюдь не снижает эффект от воздействия. Поскольку высокий уровень владения такого рода приемами воспринимается ученым сообществом скорее негативно, но соблазн их использования тем не менее велик, выработались способы маскировки, самые простые из которых сводятся к преувеличенной вежливости, сожалениям о необходимости указать на ошибки оппонента и многократным оговоркам об относительности собственных аргументов. Отсекая эти и тому подобные детали, мы попытались выявить основные приемы, которые применяли Дьяконов и Струве в споре друг с другом, и на их основе реконструировать полемические стратегии обоих авторов.

Были элиминированы сомнительные случаи: например, когда на одно согласие с трактовкой Дьяконовым документа приводится несколько примеров неправильного, по мнению Струве, прочтения ряда знаков или некорректного пересказа⁵, — здесь еще остается апелляция к фактам и нет никаких комментариев, которые бы вызвали к эмоциям читателей. Точно так же единичный риторический вопрос — лишь фигура речи, и не следует возвышать его до статуса полемического приема. Наконец, в прямом возражении может чувствоваться напряженность: например, Струве утверждает, что Дьяконов, конечно, не мог в начале 1950-х годов давать определенное лингвистическое толкование, которое ему стало понятно лишь позднее; Дьяконов в ответ возражает — почему же не мог, когда именно это у меня написано?⁶ Но приемом это также считать нельзя. Однако если подобные перечисленные моменты дополняются иными выпадами и резюмируются в виде оценочных формул, если патетика и использование эмоциональной лексики нарастают и концентрируются в определенных местах текста (опять же, с целью сформировать у читателя указанное отношение), — это квалифицировалось нами как прием. Строго систематизировать приемы невозможно, так как их применение ни для одного из оппонентов не было главной целью, но, как мы увидим далее, они появлялись отнюдь не случайно, так что в каждом случае за использованием набора приемов вырисовывается определенная стратегия. Мы постарались не только описать приемы, но также показать их смысл и воздействие на противника.

«Большая битва за Шумер» в 1940–1960-е годы и полемические приемы

Здесь нет необходимости подробно останавливаться на том, какую роль играл анализ шумерского общества для советской историографии древности. Фактически на нем была построена струвианская версия общей для Запада и Востока рабовладельческой формации, а соответственно, во многом и вообще советский образ древности, понимаемой в первую очередь как эпоха рабовладения⁷. По раз-

⁵ Struve 1962.

⁶ Diakonoff 1958, 51, прим. 11.

⁷ См. Krikh 2013, 102 сл.

ным причинам В. В. Струве удалось сделать решительный шаг в деле утверждения рабовладельческой концепции, и поэтому именно он в 30-е годы стал первым автором обобщающих работ по истории Древнего Востока, которые легли в основу всей последующей советской традиции. Ученый исходил из того положения, что восточные общества знали тот же порядок формаций, что и европейские; соответственно, древневосточные государства были рабовладельческими в том самом смысле, в каком ими были античные общества Греции и Рима; отличия, конечно, признавались, но не считались принципиальными. Концепция Струве вовсе не была сразу поддержана всеми специалистами по древности: Н. М. Никольский фактически аттестовал ее в 1937 г. как вредительскую⁸, но после выхода в свет сталинского учебника истории партии с его теоретическим параграфом⁹, который создавал ощущение поддержки именно струвианского видения древней истории, вопрос о том, чьи подходы отныне следует признавать принципиально верными, казался решенным. Это не сделало Струве полностью защищенным от критики коллег, но понизило ее градус – отныне само понятие рабовладельческого общества на Востоке большинство историков признавало в сущности верным, речь шла лишь о сомнениях в определенных деталях.

Тем не менее относительно спокойный период почивания на лаврах для Струве оказался очень кратким, – пожалуй, его удлинила война, на время которой научная жизнь была в значительной степени парализована. Если до войны основным критиком Струве выступал Никольский, то после войны эти функции (при различии в воззрениях) берет на себя А. И. Тюменев, к тому времени уже выходявший на завершающую стадию создания собственной обобщающей работы по шумерскому храмовому и государственному хозяйству¹⁰.

Начиная с 1946 года Тюменев печатает в «Вестнике древней истории» статьи, которые выглядят как проверка на прочность отдельных несущих элементов струвианской конструкции: сначала он намекает на неясность с определением термина KAL (guruš) в шумерском языке¹¹, затем на неоднозначность трактовки сути земельных сделок по обелиску Маништусу¹², на некорректность доказательства большого числа военнопленных рабов и их преимущественной занятости на ирригационных работах в Египте¹³. В 1948 г. он уже публикует собственный анализ состава хозяйственного персонала храма Бабы в Лагаше периода Урукагины¹⁴. Даже без очевидных выпадов в адрес концепции было понятно, что под нее велся целенаправленный подкоп: Тюменев намеревался показать, что восточные общества – отдельный подтип рабовладельческих обществ древности, с собственной линией развития.

⁸ Nikolsky 1937, XLVIII, прим. 3.

⁹ Istoriya VKP(b) 1938, 99–126.

¹⁰ Что касается Никольского, то он не оставил стремления разгромить старого противника (наиболее показательна неопубликованная рецензия на книгу Дьяконова, в которой концепции Струве уделено чуть ли не больше внимания, чем разбираемому сочинению: Nikolsky 1951), но Струве уже не считал его критику существенной: главная причина заключалась в том, что Никольский вел спор преимущественно на базе тех источников, которые уже обработал Струве, сам же не вводил в оборот новый материал.

¹¹ Tumenev 1946a.

¹² Tumenev 1946b.

¹³ Tumenev 1947.

¹⁴ Tumenev 1948a.

Некоторое время Струве не расценивал эти действия как опасные — в обобщающих статьях 1947 г. (к 30-летию Октябрьской революции) по изучению древневосточной истории он использует примирительные обертоны (говорит в основном о достижениях историков, не касаясь дискуссионных моментов¹⁵) и фиксирует доказательство рабовладельческого характера древневосточных обществ как очевидное достижение советской науки. В некотором роде зачаток полемического приема (не направленного на кого-то конкретно, но формирующего у читателя определенное мнение) можно увидеть в том, что Струве применил расширительное толкование — по отношению к себе, — когда писал об успехе советской историографии в определении рабовладельческого характера древневосточных обществ, поскольку успех этот принадлежал фактически лишь ему¹⁶. Здесь следует видеть, конечно, не отождествление себя со всей советской наукой, а готовность записать все свои успехи в общие; но эта готовность выдает и надежду на то, что принципиальные споры прекратятся. Попыткой окончательно решить все спорные вопросы можно считать и публикации последующих лет: в 1948 г. выходит ответ Тюменеву — подробная статья «Наемный труд и сельская община в Южном Междуречье конца III тысячелетия до н.э.», которая по сути целиком посвящена отведению стрел критики¹⁷. В 1949 г. появится большая статья по организации труда и социальной структуре периода III династии Ура, фактически лучшая работа Струве по этой теме, собравшая максимум первичного материала; в ней он постарается последовательно и окончательно дезавуировать замечания двух своих основных оппонентов на тот момент¹⁸.

Однако поставить точку в споре не удалось, и новый раунд научного противостояния растянулся на годы (вплоть до 1959 г.): Тюменев не собирался сдаваться¹⁹, тем более что подготовка и публикация его фундаментальной книги (1956)²⁰ не могли пройти мимо внимания Струве, поэтому их пикировка становилась все более острой и порой выливалась в нервные реакции с обеих сторон. Так, Струве упрекал оппонента в замалчивании своих заслуг (неопубликованное письмо в редакцию ВДИ²¹), а Тюменев (в опубликованном письме) обвинял Струве в критиканстве²². В тесной связи с этим сюжетом стояло и зарождение полемики между Дьяконовым и Струве.

Симптоматично, что сначала, в 1948–1949 гг., Дьяконов вступил в чужой спор, частично оспаривая взгляды Тюменева на уже упомянутый термин «гуруш»²³. При этом общая позиция Дьяконова в это время исходила из факта наличия рабовладельческого общества на Востоке скорее в струвианском понимании, чем в версии Тюменева. В общем и Струве в те же годы относился к Дьяконову вполне лояльно,

¹⁵ Struve 1947b. В частности, он упоминает, что Тюменев написал большой труд о трудящихся в древневосточных обществах, но отмечает, что время для его публикации, вероятно, еще не пришло (Struve 1947a, 35–36).

¹⁶ Struve 1947b, 239. В.И. Авдиев неоднократно подчеркивал, что и он был первым среди тех, кто заявил о рабовладельческом характере древних обществ, но в случае со Струве речь шла не о заявке, а о попытке обоснования (Avdiev 1942, 102; 1958, 46).

¹⁷ Struve 1948.

¹⁸ Struve 1949.

¹⁹ Tumenev 1950; 1954.

²⁰ Tumenev 1956.

²¹ Struve 1954, 17, 22.

²² Tumenev 1958. Ответ Струве: Struve 1959a.

²³ Diakonoff 1948; 1949b. Тюменев парировал первую статью: Tumenev 1948b.

упоминая о нем как о вернувшемся с фронта исследователе, закрывшем лакуну своей монографией о земельных отношениях в Ассирии²⁴.

Но ситуация постепенно меняется, когда Дьяконов все более уверенно начинает работать с материалами тех эпох, которые интересовали Тюменева и Струве (причем с Тюменевым они сотрудничали явно интенсивнее). В 1950 г. выходит статья молодого ученого, посвященная характеристике площади и состава населения Лагаша, в которой фиксируется несколько важных расхождений с позициями Струве (неверная трактовка игинуду только как рабов, преувеличение численности рабов при храмах), а главное — определяется, что храмовое землевладение в Лагаше не могло занимать более половины обрабатываемых земель, и тем самым формулируется ранний вариант концепции двухсекторальной экономики Шумера (община и храм), которая явно ставит под сомнение линию Деймеля–Струве о фактическом тождестве храмовых и общинных земель²⁵. В 1951 г., разбирая реформы Урукагины в Лагаше (тоже одна из любимых тем Струве), Дьяконов оспаривает восходящее к Ф. Тюрю-Данжену и воспринятое Струве понятие *gāna-ga* в смысле «высокого поля», соответственно ставя под вопрос всю концепцию Струве о возникновении частной собственности на полях за пределами естественно орошаемой земли²⁶. В следующем году он представит обобщающую характеристику государственного строя раннединастического Шумера²⁷. Наконец, в 1955 г. выходит очерк по купле-продаже земли в Шумере, в котором содержатся все еще осторожные, но уже достаточно ясные сомнения в струвианском понимании шумерской общины как филиала храмового хозяйства²⁸.

Соответственно, в 1957 г. Струве дает бой уже Тюменеву и Дьяконову, возражая, кстати, на статью последнего, вышедшую еще в 1950 г.²⁹ А после этого Дьяконов и вовсе становится основным адресатом спора, в том числе и потому, что он оказался гораздо более опасен, чем Тюменев, поскольку интересовался также вопросами исторической лингвистики. Струве, который тоже имел ряд работ в этой области еще начиная с 1920-х годов, не мог не отреагировать и тут, тем более что очень скоро отдельные расхождения стали сплетаться в тугой клубок противоречий³⁰.

Это был поворотный момент, и мы даже можем зафиксировать его в изменении полемической стратегии. Первоначально, уже споря конкретно с Дьяконовым, Струве в ряде случаев не называет имени оппонента³¹ — это тот же названный выше прием неправомерного обобщения, употребленный с почти той же целью не допустить открытого противостояния; Струве как бы колебался: начинать ли прямой спор или отмахнуться от замечаний как несущественных³². Видимо, по ха-

²⁴ Это было издание кандидатской диссертации, на защите которой Струве был официальным оппонентом: Diakonoff 1949a.

²⁵ Diakonoff 1950.

²⁶ Diakonoff 1951.

²⁷ Diakonoff 1952.

²⁸ Diakonoff 1955, 12.

²⁹ Struve 1957b. Важный момент: на статьи Тюменева Струве реагировал гораздо быстрее. Это можно объяснить тем, что он долго продумывал ответы молодому коллеге и вообще не сразу решился на противостояние с ним.

³⁰ Diakonoff 1954; Struve 1957a.

³¹ Struve 1957a.

³² В обобщающем докладе 1957 г. И. М. Дьяконов упомянут лишь однажды, и то в связи с работой по Мидии. В принципе, это можно считать прототипом полемического приема: коллеге как бы указывается на ту сферу занятий, где его готовы признавать. Struve 1960, 11.

рактору ему импонировал скорее второй вариант, и он решил не делать количество упоминаний Дьяконова в тексте слишком заметным.

Дьяконов в чистом виде подобный прием позволить себе не мог (из-за разницы в статусах), но нашел его вариацию: в ответной статье о работе с шумерскими историческими источниками он сосредоточился преимущественно на споре со Струве, и хотя статья посвящена общей проблеме, отсылки к мнению других, в том числе и зарубежных исследователей, невелики как по объему, так и по значимости. Получился прием навыворот: Струве ассоциировал себя со всей советской наукой в комплиментарном смысле, а Дьяконов теперь в статье разжевывал элементарные для шумеролога вещи как бы для всех читателей, но и персонально для Струве (в тексте содержался пассаж на тему «это и так известно каждому шумерологу»³³). Если наш анализ верен, то это выглядело как слабо прикрытый вызов, поданный в едкой саркастической манере, — и этим объясняется столь гневная реакция Струве, который без труда расшифровал каждый скрытый укол в статье оппонента.

Пик противостояния можно отнести к 1958–1961 годам. Спор становится одновременно многонаправленным и часто сугубо специфическим, идет борьба на уровне толкования отдельных слов или знаков, которое при этом постоянно соотносится с вопросами грамматики шумерского языка и проблемами общего видения шумерской истории. Возрастает и личное напряжение: на принципиальную статью Дьяконова, общее название которой позволило автору собрать все основные возражения своему оппоненту «под одной крышей», Струве отреагировал сначала (в общем раздраженным) предварительным ответом³⁴, а потом развил настоящее наступление, посвятив большую статью проблеме «высоких полей»³⁵ и дав чуть ли не уничижительную рецензию на монографию Дьяконова об общественном и государственном строе древнего Шумера³⁶. В этих работах принципиальные или значимые замечания перемежаются с мелочными упреками и даже придирами³⁷; некоторые аргументы повторяются на разные лады. Струве постарался закрепить свои позиции публикацией небольшой монографии о Лагаше (1961)³⁸, позднее — обобщающими работами по проблеме связей общины и храма (1963)³⁹ и статьей по частному вопросу изучения шумерского языка (1964)⁴⁰.

Здесь фиксируется и максимальная концентрация полемических приемов. Так, Струве нивелирует элементы личного общения: в монографии о Лагаше он эмоционально указывает, что ссылка Дьяконова на то, как тот слышал его толкование текста лично, иррелевантна, ибо это толкование давно опубликовано во «Всемирной исто-

³³ Diakonoff 1958, 52.

³⁴ Struve 1958. Непродуманность этого краткого ответа очень хорошо была видна со стороны: как писал в воспоминаниях Л. А. Ельницкий, получилось так, что Струве выговаривал Дьяконову за то, что тот не подождал, пока Струве освоит шумерский (у Ельницкого ошибочно речь идет об аккадском). См. Yelnitsky 2014, 169.

³⁵ Struve 1959b, 1959c.

³⁶ Struve 1961b, Diakonoff 1959.

³⁷ Например, совет дать для удобства читателя более подробную ссылку (Struve 1959b, 10, прим. 50), которая касается столь частного вопроса, что профессионалам была бы излишней, а остальным читателям — недоступной.

³⁸ Struve 1961a.

³⁹ Struve 1963b.

⁴⁰ Struve 1964a.

рии»⁴¹, следовательно, апелляция к личному сообщению — знак невнимательности (непочтения) к его трудам⁴². Формально спор касается незначительного уточнения, но скрытый смысл приема: подчеркнуть (для Дьяконова) или нивелировать (для Струве) факт личного общения, которое, при всех оговорках, все-таки уравнивает.

Другой прием — использование кавычек. Его возможности были востребованы советской культурой еще в 1930-е годы, когда в ней стало запретным употреблять хорошие слова по отношению к отрицательным персонажам: у неправильных ученых не может быть теорий, могут быть «теории»⁴³. Струве использовал этот прием аккуратнее: по его мнению, Дьяконов полностью принял его гипотезу о расширении числа полноправных граждан в Лагаше от 3600 до 36000 при Урукагине, но вознамерился кое-что поправить в чужой трактовке: «“Уточняя” мое толкование, он предполагает...»⁴⁴. Формально — кавычки лишь указывают, что уточнение, предлагаемое Дьяконовым, на самом деле не подходит общей концепции Струве, но в контексте советской культуры оно может означать перенос кавычек на автора уточнения с ясным подтекстом: Дьяконов занимается «наукой».

Струве реализует стратегию превосходства, когда (например, в рецензии 1961 г.) сочувствует Дьяконову в том, что тот работает с источниками «по старинке»⁴⁵ (это приобретает даже несколько иронический оттенок, учитывая четвертьвековую разницу в возрасте), а Струве смог заняться составлением картотеки по лицам, упомянутым в документах Лагаша⁴⁶. Превосходство это, правда, основано на наличии у академика референта (О.Д. Берлева)⁴⁷ и в чистом виде не может считаться личной заслугой, но ведь референта тоже надо заслужить, а его наличие может помочь преодолеть фактор возраста. Похожим образом выглядит и сочувствие, выраженное по поводу обзорной статьи Дьяконова по древним языкам в «Вопросах языкознания» (1954): Струве признает, что тот объективно не мог подробно остановиться на проблемах шумерского языка⁴⁸. Но само выражение сочувствия возвышает сочувствующего, а тот, кому сочувствуют, весьма ограничен в формах ответа.

Струве, соответственно, позиционировал себя как пусть скромного (он даже позволил себе пассажи о том, что недостаточно знал шумерский в начале 30-х годов⁴⁹; повторял *dies diem docet*, апеллируя к тому, что это одно из любимых высказываний Б.А. Тураева⁵⁰), но вбирающего в себя всю традицию востоковедения ученого. Дьяконов же, используя тот же прием в негативном значении, поймал Струве на оплошности: критикуя Дьяконова по вопросу о составе семей в одной

⁴¹ Struve 1961a, 64, прим. 29; причина гнева: Diakonoff 1959, 15, прим. 16. Конечно, для Струве тут был и момент самозащиты (как он ее понимал): отсутствие ссылки на такой «статусный» труд, как «Всемирная история», в которой, как подразумевалось, публиковались наиболее поддерживаемые советской наукой трактовки, было воспринято им как замалчивание его достижений.

⁴² Соответственно, в случае с лояльными ему фигурами Струве относился к такого рода ссылкам спокойно. Например, он упоминает о частной беседе с Л.А. Липиным (Struve 1961a, 62, прим. 17).

⁴³ См. Krikh 2013, 137.

⁴⁴ Struve 1961a, 64, прим. 29

⁴⁵ Struve 1961b, 170, 172.

⁴⁶ Она была издана позже: Struve 1984.

⁴⁷ См. также Struve 1961a, 61, прим. 5.

⁴⁸ Struve 1957a, 85, прим. 7

⁴⁹ Struve 1959b, 5–6, прим. 18.

⁵⁰ Struve 1964b, 14, прим. 45; Turaev 1902, XII; 1936, 4.

из табличек Лагаша, Струве смешал его позицию с позицией Тюменева⁵¹. Конечно, Дьяконов с точки зрения научной щепетильности не мог не отметить ошибки коллеги, но он поместил это замечание в достаточно акцентированный контекст: раз уж это вызвало «произвольную реконструкцию хода моих мыслей»⁵², пишет Дьяконов, то придется отреагировать. Подтекст: для полного осознания своего величия Струве все его критики оказываются на одно лицо.

Был использован и прием манипулирования цитатой, — вообще говоря, редкий у серьезных ученых. На основании одного из речевых оборотов Дьяконова в статье 1958 г.: «[нужен ряд произвольных заключений,] даже в том случае, если бы га было самостоятельным словом»⁵³, Струве делает следующий вывод: «невольно возникает догадка, что сам автор не был убежден в правоте своей аргументации. Вероятно, он лично не мог скрыть от себя того обстоятельства, что привлеченный материал не во всем своем объеме подтверждает его точку зрения»⁵⁴. Цитата была урезана до полного вырывания из контекста, смысл же приема — показать, что противник попросту придирается.

Подобным же образом Струве несколько раз апеллировал к тому, что Дьяконов (правда, однажды он упомянут вместе с М. Ламбером) не учитывает закона большого контекста и даже, наоборот (а в этом повинен уже только один Дьяконов), учитывает лишь минимальный контекст⁵⁵, ведь иначе он пришел бы к тому же выводу, что и сам Струве. Смысл здесь тот же самый: оппонент последовательно (а значит, не случайно) сужает поле для анализа, умалчивает о ряде важных источников⁵⁶ или же «не дает читателю возможности получить вполне конкретное представление о содержании привлекаемого им текста»⁵⁷.

К числу наиболее эффективных приемов следует отнести акцентированный пересказ чужой позиции, то есть такой, при котором внимание читателя обращается в первую очередь на то, как оппонент искусственно подгоняет факты под свою теорию (Струве в 1959 г. выделяет у Дьяконова три стадии борьбы с пониманием га как отдельного слова, рассказывает о том, как на второй стадии тот еще не решался отвергнуть уже явно неправильную аргументацию, выдвинутую на первой стадии), и на то, что он завышает себе цену («третья стадия нашла свое отражение в статье с несколько претенциозным названием “О работе с шумерскими историческими источниками”...»)⁵⁸. Здесь допущено довольно тонкое смешение эмоциональной оценки («претенциозность») и собственно историографического обзора (в который, однако, добавлены мотивы психологии — сомнений, неготовности отказаться от устаревших позиций, возросшей смелости после того, как были найдены новые аргументы). И заодно Струве показывает, что он понял: на самом деле статья адресована персонально ему, а название — лишь полемический ход.

В некотором роде развитием этого приема является и «разоблачение», смысл которого в том, чтобы указать на использование оппонентом полемических при-

⁵¹ Надо признать, что у Струве действительно была тенденция смешивать позиции оппонентов — об этом свидетельствует его неопубликованное письмо в редакцию ВДИ, в котором он почти отождествляет позиции Тюменева и Никольского. См. Struve 1954, 13–16.

⁵² Diakonoff 1958, 66.

⁵³ Diakonoff 1958, 57.

⁵⁴ Struve 1959c, 66, прим. 84.

⁵⁵ Struve 1959c, 58–59.

⁵⁶ Struve 1959c, 65.

⁵⁷ Struve 1959c, 67.

⁵⁸ Struve 1959b, 6–7.

емов. На это пошел только Струве; отвечая Дьяконову в 1959 г., он резюмировал свой историографический обзор следующим образом: «Столь сокращенный список адептов “ошибочного” перевода Тюро-Данжена должен был произвести на читателя тем большее впечатление, что названный в списке Деймель воспринял еретическую мысль своего французского коллеги еще до появления научной грамматики шумерийского языка, а его товарищ по несчастью Струве не являлся шумерологом. Что же касается Ламбера, которого нельзя было исключить из списка, поскольку он написал специальное исследование о реформах Урукагины, то он был объявлен лишь “отчасти” перенявшим перевод Тюро-Данжена»⁵⁹. Использование такого приема, однако, чревато обратным эффектом: ирония над противником сгустилась до неуправляемого сарказма, и читатель может легко заметить, что разоблачитель приемов сам не избег их использования.

В целом можно сказать, что на этом этапе спора Струве пытается нарисовать образ Дьяконова как «неблагодарного ученика» – самовлюбленного ученого, невнимательного к работам предшественников, подчеркивая, что эта невнимательность, ввиду своей многократности, не может трактоваться как только случайность. Так, младший коллега, по мнению Струве, неправоммерно обвинил Тюро-Данжена в неверном порядке чтения частей памятника⁶⁰, не упомянул заслуг В.К. Шилейко⁶¹ и т.п. На деле это скорее мелкие придирки, которые легко объяснить техническими моментами (экономией места, например), и нагнетание таких деталей – полемический прием, скрытая цель которого – дать читателю объяснение, почему молодой ученый так яростно нападает на своего «учителя» (отношений научного учителя между ними не было, но Струве читал лекции Дьяконову в университетский период и в целом выступал как патриарх советского востоковедения).

Тем не менее после 1961 г., когда Струве высказал основные возражения, а Дьяконов закрепил свое видение проблемы общины⁶², т.е. позиции были зафиксированы, спор ослабевает. В том числе и эмоционально: в статье 1964 г. об исторических надписях Урукагины и их историографии Струве продолжает отмечать отдельные недочеты работ Дьяконова (часть из которых даже текстуально повторяет выпады прежних лет), но много раз положительно отзывается о них в целом, используя такие характеристики, как «блестящая оценка», «вполне прав».

Роль в этом могли сыграть несколько факторов: болезнь Струве, состоявшаяся в 1960 г. защита Дьяконовым докторской диссертации⁶³ и командировка в Чикаго в 1963 г.⁶⁴, что косвенно укрепило его позиции. Вероятно, имели значение некоторые примирительные шаги со стороны Дьяконова (в монографии, несмотря на заметное количество расхождений, многократно фиксируются различные научные

⁵⁹ Struve 1959b, 18, прим. 101.

⁶⁰ Struve 1961b, 173.

⁶¹ Struve 1961b, 174.

⁶² Diakonoff 1963; 1964.

⁶³ Версия о «пакте» между историками, которая фигурирует, например, в воспоминаниях К.А. Антоновой, находится в настоящее время за пределами надежной верификации. Во всяком случае утверждение, что Дьяконов обещал не заниматься шумерской историей и сдержал его, совершенно неверно – и после 1960 г. (и до смерти Струве) у Дьяконова выходят статьи на эту тему, в том числе статья по общине, опубликованная в ВДИ в то время, когда Струве был его главным редактором и в любом случае мог воспрепятствовать нарушению условий «договора». Если «пакт» и был, то его содержание должно было быть несколько иным. См. Antonova 1992, 144–145.

⁶⁴ Diakonoff 1995, 737.

достижения Струве, такие как подробно рассмотренный ход войны Уруагины и Лугальзагеси⁶⁵; после поездки в США Дьяконов познакомил старшего коллегу с материалом, который наработал на семинаре в Восточном институте⁶⁶), но нельзя исключать и того, что исчерпались сами ресурсы для спора. В одной из последних своих статей Струве выражает надежду на то, что ему еще удастся доказать правильность собственного видения своему «упорному оппоненту»⁶⁷, — возможно, дальнейшая проработка темы и введение в оборот новых аргументов действительно могли вылиться в очередной этап противостояния, но смерть Струве положила ему конец. Поскольку полемика носила характер прежде всего противостояния двух ученых и не было другого ассириолога, который мог бы выступить со струвианских позиций, не могло быть и речи о каком-либо варианте возрождения спора. Через несколько лет развитие ассириологии сделало неактуальными и некоторые из аспектов спора.

Итак, если резюмировать, спор протекал по большей части в печатной форме, преимущественно на базе «Вестника древней истории», но был дополнен также публикациями в других журналах и двумя монографиями. Напряженность его не означает, однако, что основные участники не общались лично и не читали некоторых работ еще в гранках, — так что часто публикация не была для них сюрпризом и они заранее начинали готовить ответ. Дьяконов сам упоминает, что несколько раз приходил к Струве за его замечаниями по докторской⁶⁸, общались они и в дальнейшем в редакции ВДИ и на конференциях; видимо, даже с предельно острой большой статьей о «высоких полях» Струве ознакомил оппонента уже в год написания⁶⁹. Следует указать и на то, что во многих деталях участники спора отказывались от тех толкований, которые переставали казаться им убедительными, в том числе и благодаря критике коллеги. Таким образом, не стоит преувеличивать степень личной неприязни между участниками спора.

Нужно выделить также ряд ключевых дат: 1946 г. — начало наступления Тюменева на позиции Струве; 1950–1955 гг. — вторжение Дьяконова в шумерскую тематику; 1957 г. — реакция Струве; 1958–1964 гг. — прямая полемика между Дьяконовым и Струве, пик которой — 1958–1961 гг. Кажется более предпочтительным говорить именно о полемике Дьяконова и Струве, нежели Струве и Дьяконова, поскольку именно Дьяконов начал оспаривать позиции Струве, а тот, судя по всему, вообще полагал, что лишь защищается. Однако это столкновение имело некоторые специфические характеристики: если в 1950–1957 гг. между оппонентами был еще некоторый паритет (четыре статьи Дьяконова, которые относились преимущественно к теме противостояния, и две статьи Струве, в которых содержались в основном ответы), то в 1958–1964 гг. Дьяконов публикует по теме лишь две статьи

⁶⁵ Diakonoff 1959. С другой стороны, пусть и смягченные стилистически, моменты несогласия в монографии явно преобладали: общие заслуги Струве упоминаются на с. 3, 4, 274; заслуги по частным вопросам или справедливые замечания — с. 19, 30, 189 (прим. 165), 194 (прим. 184), 196 (прим. 1), 199; моменты расхождений — с. 34, 41–43, 87 (прим. 116), 89–90 (прим. 119, с оговоркой, что замечание было учтено), 91, 99 (прим. 158), 103 (прим. 175), 107–108, 178–180 (прим. 117), 193 (прим. 182), 200 (прим. 11), 222 (прим. 83), 223 (прим. 84), 250–251 (прим. 6).

⁶⁶ Struve 1964b, 23.

⁶⁷ Struve 1964b, 20.

⁶⁸ Diakonoff 1995, 735.

⁶⁹ Из контекста нельзя понять однозначно, но наиболее вероятно, что речь идет именно об этой работе, опубликованной годом позднее: Struve 1961b, 174.

(1958; 1963), а также одну монографию (1959) и ответную реплику М. О. Косвену (1964, по поводу статьи 1963 г.) — две последние работы, конечно, касались спора со Струве лишь отчасти. Струве за это же время упомянул о Дьяконове примерно в дюжине статей и в небольшой монографии, в некоторых из этих работ — десятки упоминаний Дьяконова. Наконец, важно указать и на разницу поколений. Возраст Дьяконова в 1950–1964 гг. — между 35 годами и порогом пятидесятилетия. Возраст Струве — между 61 и 75 годами.

Основной сюжет полемики (опуская многочисленные детали): Дьяконов читает источники (и даже имена в них) иначе, чем Струве, и полагает, что тот сомнительно реконструирует историю раннединастического Шумера, в первую очередь — историю Лагаша конца раннединастического периода (Урукагина — не революционер); главное же — в Шумере было разделение на храмовый и общинный (он же частный, насколько этот термин уместен для данной эпохи) секторы орошаемой земли, мнение же Струве, будто храмовый сектор был фактически равен общинному (значит, зависимые люди — общинникам)⁷⁰, а частное землевладение возникает на «высоких полях» (за пределами естественно орошаемой земли), основано на некорректном прочтении термина *gána-ga*.

Наконец, в использовании приемов просматриваются определенные стратегии участников, образы, которые они создавали себе и своему оппоненту. Струве подавал себя как опытного мэтра, остающегося на переднем крае науки, использующего «закон большого контекста» и тщательнейшую работу с источниками, а Дьяконов — как пока еще не подготовленного к тому, чтобы занять высокое (или даже лидирующее) место в советской науке, на которое тот претендовал, ученого, чья строгость к другим превышает самокритичность. Дьяконов, судя по общей направленности работ, хотел показать, что понимает проблему системно и вообще здраво (без отсылок к авторитетам или пресловутому «большому контексту»), и в этой системе нет места для некоторых (нелепых) умозаключений Струве, величие которого не подтверждено должным уровнем понимания древних текстов. В некотором роде спокойная реакция Дьяконова на поток обвинений от Струве в последней фазе дискуссии выглядела более выигрышно, чем действия Струве, который позволил себе увлечься выпадами, перемешав существенные, второстепенные и вообще незначительные моменты. Ни с Никольским, ни с Тюменевым Струве до такой степени мелочности в споре не доходил⁷¹, так что можно сказать, что Дьяконов заставил Струве «сойти с трона».

Последствия и итоги

На наш взгляд, перед нами больше пример влияния убеждений на личные симпатии, чем наоборот: вполне допустимо смоделировать ситуацию, при которой спора бы не случилось, и тогда нас бы даже не интересовал вопрос, насколько Дьяконову, скажем, не нравился голос Струве⁷². И Дьяконов в первые послевоенные годы еще пытался оставаться в рамках струвианской концепции. Возможно, общение с Тюменевым, которого он консультировал по вопросам чтения шумерских источников,

⁷⁰ Эту точку зрения Струве к 1963 г. плавно скорректировал: «Другая часть земли, “принадлежавшая” данному божеству, не управлялась администрацией храма, а находилась во владении тех общин, которые были объединены культом божества, являющегося хозяином их земли» (Struve 1963a, 57).

⁷¹ Даже если учитывать письмо в редакцию ВДИ в феврале 1954 г.

⁷² Diakonoff 1995, 262.

дало ему не столько скепсис, сколько метод критики Струве: по конкретным аспектам соотношения общины и храма, работы с источниками, положения зависимых категорий населения. Это была не сфера общих идей, а сфера древних текстов, где вопрос сводился к качеству работы с ними, а не количеству ссылок на «классиков марксизма-ленинизма», которых, кстати, в этом споре было очень немного. Фактически это первый большой научный спор в советской историографии древности, в котором цитаты из «классиков» не играли никакой роли.

Спор, конечно, выходил в определенные моменты из-под эмоционального контроля (видимо, Струве это касалось в большей степени, чем Дьяконова), но велика ли была роль эмоций в «сухом остатке»? Они повлекли применение полемических приемов, которые, конечно, иногда ощущались как болезненные уколы самолюбию участников, но нельзя сказать, что эти приемы в итоге превратились в самоцель. В конце концов, влияние Струве в те годы было все еще вполне достаточным для того, чтобы повлиять на прекращение очевидно неприятного для него спора гораздо более эффективными методами – от препятствия оппоненту в публикациях (в том же ВДИ Струве весь период состоял в редколлегии, а с 1962 г. был и вовсе главным редактором) до воздействия на него по «неофициальным» каналам. Не следует полагать, будто считавшийся многие годы главой советского востоковедения Василий Васильевич никогда не использовал указанные возможности (во благо или во вред конкретным людям), но в данном случае хорошо видно, что у него были определенные правила, и он сделал выбор в пользу того, чтобы сосредоточиться на научной стороне вопроса.

Если же говорить о «пользе и бесполезности» самого научного спора, то его последствия для участников были неоднозначными. Для Струве по преимуществу отрицательными: он не успел написать итоговой работы по Шумеру⁷³, а его позиции к середине 1960-х годов выглядели заметно пошатнувшимися. Дьяконов, напротив, получил опыт научной дискуссии и, видимо, почувствовал необходимость создания обобщающих работ, что и воплотил в цикле статей по проблемам собственности, который дополнялся в течение двух десятилетий⁷⁴.

Значение этого спора для историографии также было немаловажным. В плане работы с источниками некоторые аспекты стали архаикой уже после 1973 г., когда М. Сивиль показал, что *gāna-ga* следует читать просто как «поле» с локативным падежом («на поле»)⁷⁵; на позиции Дьяконова это принципиально не влияло, а струвианские «высокие поля» тем самым испарялись окончательно вместе со всей цепочкой рассуждений, следующей за ними. Но дискуссия имела и другое значение: это было по-настоящему принципиальное профессиональное обсуждение, в котором было не так-то много от специфики советской исторической культуры (с ее войной цитат, иллюстрацией уже известной истины, демонизацией «буржуазной науки»), а вопросы доказательности были на первом месте по сравнению с вопросами теории. Конечно, это произошло потому, что спор ушел от уровня больших обобщений, где приходилось соглашаться на заранее известном ответе (рабовладельческая формация), но выделение сферы работы, где этого не нужно делать, тоже можно рассматривать как определенное достижение. Кроме того, вариативность истины и необходимость ее доказательства с опорой на перво-

⁷³ Он намеревался это сделать: Struve 1954, 3; см. также Krikh 2015a, 246.

⁷⁴ Diakonoff 1966; 1967; 1968; 1971; 1973; Diakonoff, Jacobson 1982.

⁷⁵ Civil 1973, 171–172.

источники вообще дали импульс развитию советской науки о древности, которая в 1970–1980-е годы все более поворачивается от обобщений к материалу.

Нам кажется также важным подчеркнуть, что перед нами тот пример в истории советской науки, когда смена лидера произошла все-таки через дискуссию, а не с помощью интриги. Причем, как было сказано выше, это был именно внутринаучный процесс, – следовательно, таковые не только протекали, но и оказывали существенное влияние на эволюцию советской исторической науки. Это соображение позволяет нам высказать скепсис в отношении крайних оценок советской историографии как в принципе ненаучной системы⁷⁶: их легко давать на уровне тех самых больших обобщений, иллюстрируя подходящими избранными примерами; реальность была сложнее. Это не значит, что внешнее влияние следует игнорировать и, соответственно, говорить об автономном характере советской науки. Но спор между Дьяконовым и Струве нельзя определять как периферийное событие в периферийной сфере исторического знания – «Вестник древней истории», послуживший основной площадкой для высказываний, выходил в те годы хорошим тиражом (более 2000 экземпляров), и его приобретали все вузы и основные библиотеки страны. Следовательно, это тот пример, который позволяет обосновать необходимость поиска более аккуратных и тонких характеристик в сфере общих оценок.

Возвращаясь к эмоциональной составляющей, следует еще раз подчеркнуть, что она играла важную, но отнюдь не определяющую роль. Вследствие свойства человеческой природы она была мифологизирована и приобрела более сильное звучание в частном обсуждении, отраженное и в мемуарной литературе (воспоминания Дьяконова, Ельницкого, отчасти Антоновой), тем самым легализовав произошедшие перемены в психологии ученого сообщества. Так или иначе, итог идейного и человеческого противостояния был один: состоялась преемственность через отторжение⁷⁷, через спор со Струве Дьяконов подчеркнул свое право на лидерство в советской ассириологии и даже в изучении истории Древнего Востока в целом.

Литература / References

- Afanas'ev, Ju.N. (ed.) 1996: *Sovetskaya istoriografiya* [*Soviet Historiography*]. Moscow.
Афанасьев, Ю.Н. (ред.), *Советская историография*. М.
Antonova, K.A. 1992: [We, Orientalists]. *Vostok* [*The East*] 2, 140–152.
Антонова, К.А. Мы, востоковеды. *Восток* 2, 140–152.
Avdiev, V. 1942: [Study of the history of the ancient East in 25 years (1917–1942)]. *Istoricheskiy zhurnal* [*Historical Journal*] 10, 98–102.
Авдиев, В. Изучение истории древнего Востока за 25 лет (1917–1942). *ИЖ* 10, 98–102.
Avdiev, V.I. 1958: *Sovetskaya nauka o drevnem Vostoke za 40 let* [*Soviet science of the ancient East in 40 years*]. Moscow.
Авдиев, В.И. *Советская наука о древнем Востоке за 40 лет*. М.
Civil, M. 1973: Notes on Sumerian Lexicography II. *Journal of Cuneiform Studies* 25, 171–177.
Diakonoff, I.M. 1948: [More about the term gurus (kal) in the Sumerian language]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 31–33.
Дьяконов, И.М. Еще о термине gurus (kal) в шумерском языке. *ВДИ* 1, 31–33.
Diakonoff, I.M. 1949a: *Razvitie zemel'nykh otnoshenii v Assirii* [*The development of land relations in Assyria*]. Leningrad.
Дьяконов, И.М. *Развитие земельных отношений в Ассирии*. Л.

⁷⁶ Afanas'ev 1996, 22 сл.

⁷⁷ О том, что Дьяконов в ряде трактовок шумерской истории зависел от Струве: Krikh 2015b, 275–276.

- Diakonoff, I.M. 1949b: [Who are “gurušes” in Ur III economic texts?]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 30–31.
 Дьяконов, И. М. Кто такие «гуруши» в хозяйственных текстах III династии Ура? *ВДИ* 2, 30–31.
- Diakonoff, I.M. 1950: [On the area and the population of the Sumerian “city-state”]. *Vestnik drevnei istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 77–93.
 Дьяконов, И. М. О площади и составе населения шумерского «города-государства». *ВДИ* 2, 77–93.
- Diakonoff, I.M. 1951: [Reforms of Urukagina in Lagash]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 15–32.
 Дьяконов, И. М. Реформы Урукагины в Лагаше. *ВДИ* 1, 15–32
- Diakonoff, I.M. 1952: [The political system of archaic Sumer]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 13–37.
 Дьяконов, И. М. Государственный строй древнейшего Шумера. *ВДИ*. 2, 13–37.
- Diakonoff, I.M. 1954: [Languages of ancient Western Asia]. *Voprosy yazykoznaniiya* [*Problems of Linguistics*] 5, 43–64.
 Дьяконов, И. М. О языках древней Передней Азии. *Вопросы языкознания* 5, 43–64.
- Diakonoff, I.M. 1955: [Purchase and sale of land in ancient Sumer and the question of Sumerian community. Article 1. Purchase and sale of land in Mesopotamia in the III millennium BC]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 10–40.
 Дьяконов, И. М. Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине. Очерк 1. Купля-продажа земли в Двуречье в III тысячелетии до н.э. *ВДИ* 4, 10–40.
- Diakonoff, I.M. 1958: [Work with Sumerian historical sources]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 48–69.
 Дьяконов, И. М. О работе с шумерскими историческими источниками. *ВДИ* 2, 48–69.
- Diakonoff, I.M. 1959: *Obshchestvennyy i gosudarstvennyy stroy Drevnego Dvurech'ya. Shumer* [*Society and state in Ancient Mesopotamia. Sumer*]. Moscow.
 Дьяконов, И. М. *Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер*. М.
- Diakonoff, I.M. 1963: [The community in the ancient East in the works of Soviet researchers]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 16–34.
 Дьяконов, И. М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей. *ВДИ* 1, 16–34.
- Diakonoff, I.M. 1964: [To the problem of the community in the ancient East (remark to M. O. Kosven)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 74–80.
 Дьяконов, И. М. К проблеме общины на древнем Востоке (реплика М. О. Косвену). *ВДИ* 4, 74–80.
- Diakonoff, I.M. 1966: [The main features of the economy in the monarchies of Ancient Western Asia]. *Narody Azii i Afriki* [*Peoples of Asia and Africa*] 1, 44–58.
 Дьяконов, И. М. Основные черты экономики в монархиях древней Западной Азии. *НАА* 1, 44–58.
- Diakonoff, I.M. 1967: [Problems of property. The structure of Near East society to the middle of the second millennium B.C.]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 13–35.
 Дьяконов, И. М. Проблемы собственности. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. *ВДИ* 4, 13–35.
- Diakonoff, I.M. 1968: [Problems of economics. The structure of Near East society to the middle of the second millennium B.C.]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 3–27; 4, 3–40.
 Дьяконов, И. М. Проблемы экономики. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. *ВДИ* 3, 3–27; 4, 3–40.
- Diakonoff, I.M. 1971: [The main features of the economy of ancient society (Essay on the material of Western Asia)]. *Problemy dokapitalisticheskikh obshchestv v stranakh Vostoka* [*Problems of pre-capitalist societies in the East*]. Moscow, 127–146.
 Дьяконов, И. М. Основные черты древнего общества (Реферат на материале Западной Азии). *Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока*. М., 127–146.
- Diakonoff, I.M. 1973: [Slaves, helots and serfs in early antiquity]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 3–29.
 Дьяконов, И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. *ВДИ* 4, 3–29.
- Diakonoff, I.M., Jacobson, V.A. 1982: [“Nome states”, “territorial kingdoms”, “poleis” and “empires”: a study in typology]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 3–16.
 Дьяконов, И. М., Якобсон, В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: проблемы типологии. *ВДИ* 2, 3–16.
- Diakonoff, I.M. 1995: *Kniga vospominaniy* [*The book of memories*]. Saint Petersburg.
 Дьяконов, И. М. *Книга воспоминаний*. СПб.

- Istoriya VKP(b) 1938: *Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkiy kurs* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Brief course]. Moscow.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.
- Koropov, N.E. 2001: *Kak dumayut istoriki* [How do historians think]. Moscow.
- Копосов, Н.Е. *Как думают историки*. М.
- Krikh, S.B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii* [The Image of Antiquity in Soviet Historiography]. Moscow.
- Крих, С.Б. *Образ древности в советской историографии*. М.
- Krikh, S.B. 2014: ["Death" of discussions in post-Soviet historiography: ancient history]. In: *Universitetskaya korporatsiya: pamyat', identichnost', praktiki konsolidatsii* [University Corporation: memory, identity, consolidation practices]. Kazan, 204–208.
- Крих, С.Б. «Смерть» дискуссий в постсоветской науке: история древнего мира. В сб.: *Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации*. Казань, 204–208.
- Krikh, S.B. 2015a: [How not to write a major work of all your life; a case of academician V.V. Struve]. *Mir istorika* [World of historian] 10, 241–273.
- Крих, С.Б. Как не написать труд всей жизни: случай академика В.В. Струве. *Мир историка* 10, 241–273.
- Krikh, S.B. 2015b: [The Planned Economy, from Sumer to the Soviet Union: The fate of an Ancient empire through the eyes of modern historians]. *Ab Imperio* 3, 255–291.
- Крих, С.Б. Плановая экономика от Шумера до Советского Союза: судьба древней империи глазами современных историков. *Ab Imperio* 3, 255–291.
- Nikolsky, N.M. 1937: [Some of the main problems general and religious history of Israel and Judah]. In: A. Ranovich, *Ocherk istorii drevneevreiskoy religii* [Short history of the Hebrew religion]. Moscow, III–LXXXIV.
- Никольский, Н.М. Некоторые основные проблемы общей и религиозной истории Израиля и Иуды. В кн.: А. Ранович, *Очерк истории древнееврейской религии*. М., III–LXXXIV.
- Nikolsky, N.M. 1951: [Rev.] [I.M. Diakonoff. The development of land relations in Assyria. Leningrad, 1949]. *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences]. Fonds 1619, series 1, file 48, fol. 49–87.
- Никольский Н.М. [Рец.] И.М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Ленинград, 1949. АРАН. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 48. Л. 49–87.
- Solovieva, N.V. 2008: [Scientific discussion as a genre in the form of collection]. *Stil*. Belgrad, 131–137.
- Соловьева, Н.В. Научная дискуссия как жанр в форме коллекции. *Стил*. Белград, 131–137.
- Struve, V.V. 1947a: [Problems of the history of the ancient East in Soviet historiography]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 17–41.
- Струве, В.В. Проблемы истории древнего Востока в советской историографии. *ВДИ* 3, 17–41.
- Struve, V.V. 1947b: [Soviet Oriental Studies and the problem of social structure of the Ancient East]. *Vestnik LGU* [Journal of Leningrad State University] 11, 233–242.
- Струве, В.В. Советское востоковедение и проблема общественного строя древнего Востока. *Вестник ЛГУ* 11, 233–242.
- Struve, V.V. 1948: [Wage labor and the rural community in southern Mesopotamia to the end of the 3rd millennium BC]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 13–33.
- Струве, В.В. Наемный труд и сельская община в Южном Междуречье конца III тысячелетия до н.э. *ВДИ* 2, 13–33.
- Struve, V.V. 1949: [New data on the organization of labor and social structure in Sumerian Ur III era]. *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies] 4, 149–184.
- Струве, В.В. Новые данные об организации труда и социальной структуре общества Сумера эпохи III династии Ура. *Советское востоковедение* 4, 149–184.
- Struve, V.V. 1954: [To editor-in-chief of JAH]. *Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences] Fonds 457, series 1, file 381, fol. 3–22.
- Струве, В.В. Ответственному редактору ВДИ. АРАН Ф. 457. Оп. 1. Д. 381, 3–22.
- Struve, V.V. 1957a: [Category of tense and replacement of ideograms in the Sumerian language and writing]. *Vestnik LGU* [Journal of Leningrad State University. Series of history, language and literature]. Issue 2. 8, 85–95.
- Струве, В.В. Категория времени и замена идеограмм в шумерийском языке и письме. *Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы*. Вып. 2. 8, 85–95.
- Struve, V.V. 1957b: [Interpretation of the document no. 19 in M.V. Nikolsky' edition]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 3–18.
- Струве, В.В. Интерпретация документа № 19 издания М.В. Никольского. *ВДИ* 4, 3–18.

- Struve, V.V. 1958: [Preliminary reply to the article by I.M. Diakonoff]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 252.
Струве, В.В. Предварительный ответ на статью И.М. Дьяконова. *ВДИ* 2, 252.
- Struve, V.V. 1959a: [Letter to the Editor]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 219–220.
Струве, В.В. Письмо в редакцию. *ВДИ* 1, 219–220.
- Struve, V.V. 1959b: [The term *gána-ga* and the problem of origin of private ownership in Sumer]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 3–20.
Струве, В.В. Термин *gána-ga* и проблема зарождения частного землевладения в Шумере. *ВДИ* 2, 3–20.
- Struve, V.V. 1959c: [The term *gána-ga* and the problem of origin of private ownership in Sumer (continuation)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 53–74.
Струве, В.В. Термин *gána-ga* и проблема зарождения частного землевладения в Шумере (продолжение). *ВДИ* 3, 53–74.
- Struve, V.V. 1960: [40 years of the Soviet Oriental Studies]. *Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniia* [Notes of the Institute of Oriental Studies] XXV, 3–29.
Струве, В.В. Советское востоковедение за 40 лет. Ученые записки Института востоковедения XXV, 3–29.
- Struve, V.V. 1961a: *Gosudarstvo Lagash. Bor'ba za rasshirenie grazhdanskogo prava v Lagashe XXV–XXIV vv. do nashey ery* [The Lagash state. The fight for the extension of civil rights in Lagash in XXV–XXIV centuries B.C.]. Moscow.
Струве, В.В. Государство Лагаш. Борьба за расширение гражданского права в Лагаше XXV–XXIV вв. до нашей эры. М.
- Struve, V.V. 1961b: [Rev.] [I.M. Diakonoff. Social and political system of ancient Mesopotamia. Shumer. Moscow, 1959, 299 p.]. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa] 2, 168–176.
Струве, В.В. [Рец.] И.М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., ИВЛ, 1959, 299 стр. *НАА* 2, 168–176.
- Struve, V.V. 1962: [The transfer ritual of the landownership in Sumer]. In: *Blizhniy i Sredniy Vostok* [Near and Middle East]. Moscow, 8–14.
Струве, В.В. Ритуал передачи земельного владения в Шумере. В сб.: *Ближний и Средний Восток*. М., 8–14.
- Struve, V.V. 1963a: [The communities of Egypt and Sumer and India community]. *Vestnik LGU* [Journal of Leningrad State University. Series of history, language and literature]. Issue 20, 4, 52–64.
Струве, В.В. Общины Египта и Шумера и общины Индии. Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 20, 4, 52–64.
- Struve, V.V. 1963b: [The community, the temple and the palace]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 11–34.
Струве, В.В. Община, храм и дворец. *ВДИ* 3, 11–34.
- Struve, V.V. 1964a: [Verification of the theory on meaning of the verbal prefixes *mu-* and *e-*]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 107–118.
Струве, В.В. Проверка теории о значении глагольных префиксов *mu-* и *e-*. *ВДИ* 2, 107–118.
- Struve, V.V. 1964b: [Historical inscriptions of Urukagina and history of its interpretation]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 3–23.
Струве, В.В. Исторические надписи Урукагины и история их интерпретации *ВДИ* 4, 3–23.
- Struve, V.V. 1984: *Onomastika rannedinasticheskogo Lagasha* [Onomastics of Early Dynastic Lagash]. Moscow.
Струве, В.В. Ономастика раннединастического Лагаша. М.
- Tumenev, A.I. 1946a: [The significance of the term '*kal*' in Sumerian language]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 10–20.
Тюменев, А.И. О значении термина "*kal*" в древнешумерском языке. *ВДИ* 2, 10–20.
- Tumenev, A.I. 1946b: [On the forms of land relations in the inscription of the Manishtushu Obelisk]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 33–40.
Тюменев, А.И. О формах земельных отношений по надписи обелиска Маништусу *ВДИ* 4, 33–40.
- Tumenev, A.I. 1947: [Hermitage papyrus 1116 A, lines 101–102]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 9–12.
Тюменев, А.И. Эрмитажный папирус 1116 А, строки 101–102. *ВДИ* 2, 9–12.
- Tumenev, A.I. 1948a: [Household staff of the temple of Bau in Lagash in the times of Urukagina]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 12–30.
Тюменев, А.И. Хозяйственный персонал храма Бау в Лагаше времени Урукагины. *ВДИ* 1, 12–30.

- Tumenev, A.I. 1948b: [Did the term “gurus” (“kal”) have social significance? (On the article I.M. Diakonoff in VDI 1948, no. 1)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 34–36.
Тюменев, А.И. Имел ли термин «гуруш» («каль») социальную значимость? (по поводу статьи И.М. Дьяконова в ВДИ, 1948, № 1). *ВДИ* 2, 34–36.
- Tumenev, A.I. 1950: [On the question of wage labor in the royal household in the Ur III times]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 48–52.
Тюменев, А.И. К вопросу о наемном труде в царском хозяйстве времени III династии Ура. *ВДИ* 1, 48–52.
- Tumenev, A.I. 1954: [Producers of wealth in the royal household of the third dynasty of Ur]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 10–32.
Тюменев, А.И. Производители материальных благ в царском хозяйстве времени третьей династии Ура. *ВДИ* 1, 10–32.
- Tumenev, A.I. 1956: *Gosudarstvennoe khozyaystvo drevnego Shumera* [*State economy of the Ancient Sumer*]. Moscow–Leningrad.
Тюменев, А.И. *Государственное хозяйство древнего Шумера*. М. – Л.
- Tumenev, A.I. 1958: [Letter to the Editor]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 232–233.
Тюменев, А.И. Письмо в редакцию. *ВДИ* 3, 232–233.
- Turaev, B. 1902: *Issledovaniya v oblasti agiologicheskikh istochnikov istorii Efiopii* [*Studies in the history of Ethiopia's agiological sources*]. Saint-Petersburg.
Тураев, Б. *Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии*. СПб.
- Turaev, B.A. 1936: *Istoriya drevnego Vostoka* [*The history of the Ancient East*]. Vol. I. Leningrad.
Тураев, Б.А. *История древнего Востока*. Т. I. Л.
- Yelnitsky, L.A. 2014: *Tri kruga vospominaniy. Na paperti khrama nauki* [*Three circles of memories. On the porch of the temple of science*]. Moscow.
Ельницкий, Л.А. *Три круга воспоминаний. На паперти храма науки*. М.